

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Е. Шаститко¹

МГУ имени М. В. Ломоносова / РАНХиГС (Москва, Россия)

Л. А. Тутов²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 338.22

ЗАМЕТКИ

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ЕСТЬ ЛИ ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ?

Раскрыты основные характеристики методологического индивидуализма как применяемого в экономической науке подхода к исследованию общественных явлений и связанного с ним способа представления накопленного знания. Показано, как методологический индивидуализм позиционирован в экономической науке, в которой научно-исследовательские программы по Лакатосу конкурируют друг с другом. Исследован вопрос о возможных ограничениях на применение методологического индивидуализма к отношениям между людьми, опосредуемыми языком как средством коммуникации, в том числе в свете процессов социализации, а также различий процесса исследования и способа изложения его результатов. Показано, что в связи с распространением технологий, основанных на искусственном интеллекте, особое значение приобретает вопрос о том, следует ли считать самообучающиеся алгоритмы, успешно проходящие тест Тьюринга, вызовом для применения традиционного понимания методологического индивидуализма в будущих экономических исследованиях. Методологический индивидуализм — один из важных вопросов современной методологии экономической науки, в свете которой в статье рассматриваются различные аспекты соотношения методологических холизма и индивидуализма.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, внутридисциплинарный дискурс, искусственный интеллект, новый институционализм, неоклассическая теория.

¹ Шаститко Андрей Евгеньевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: aes@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-6713-069X.

² Тутов Леонид Арнольдович — д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии и методологии экономики, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: l.tutov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8652-3341.

Цитировать статью: Шаститко, А. Е., & Тутов, Л. А. (2023). Заметки о методологическом индивидуализме в экономических исследованиях: есть ли границы применения? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(1), 3–21. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-1>.

E. A. Shastitko

Lomonosov Moscow State University / RANEPa (Moscow, Russia)

L. A. Tutov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B41, B52

NOTES ON METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM IN ECONOMIC RESEARCH: ARE THERE LIMITS TO THE APPLICATION?

The main characteristics of methodological individualism as an approach used in economics to the study of social phenomena are revealed and the associated with it way of presenting accumulated knowledge. The authors show how methodological individualism is positioned in economics where Lakatos' research programs compete with each other. The study examines possible limitations in applying methodological individualism to relations between people mediated by language as a means of communication, including in the light of socialization processes, as well as in the light of differences in the research process and the way of presenting its outcomes. The authors show that with the spread of technologies based on artificial intelligence, the question of whether self-learning algorithms successfully passing the Turing test should be considered as a challenge for applying the traditional understanding of methodological individualism in future economic research. Methodological individualism is one of the important issues in the modern methodology of economics, in the light of which the paper discusses various aspects of the relationship between methodological holism and individualism.

Keywords: methodological individualism, intra-disciplinary discourse, artificial intelligence, new institutional economics, neoclassical economics.

To cite this document: Shastitko, A. E., & Tutov, L. A. (2023). Notes on methodological individualism in economic research: are there limits to the application? *Lomonosov Economics Journal*, 58(1), 3–21. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-1>.

Введение

Понимание методологических аспектов экономических исследований — важное условие адекватной оценки возможностей и ограничений для приращения научного знания как выражение развития собственно дисциплинарной области, так и их применения в сфере практических решений. В числе важнейших оснований современных экономических ис-

следований — методологический индивидуализм, содержание и значение которого по-прежнему нуждаются в уточнении, особенно в связи с развитием традиционных, хорошо известных концепций, а также появлением новых теорий и направлений исследования.

В задачи данной статьи входит описание основных характеристик методологического индивидуализма в свете взаимодействия научно-исследовательских программ в рамках экономической науки и возможных ограничений на применение методологического индивидуализма, в том числе в связи с распространением технологии искусственного интеллекта. Поскольку методологический индивидуализм — один из важных вопросов современной методологии экономической науки, отдельно рассматривается вопрос о соотношении методологических холизма и индивидуализма. В заключение представлены основные выводы.

Методологический индивидуализм: общие характеристики и позиционирование во внутридисциплинарном дискурсе

Методологический индивидуализм — способ исследования общественных явлений, основанный на принципе, согласно которому только люди принимают решения и совершают действия, базирующиеся на этих решениях, и все общественные явления объясняются на основе индивидуального поведения. Не государство, не общество, не бизнес, не фирма и не состоящие из нескольких человек домашние хозяйства, а отдельные люди. Даже собранные вместе, люди принимают индивидуальные решения, равнодействующая которых и есть то, что в экономической науке принято называть коллективными действиями. Вот почему коллективные действия — одна из ключевых тем в теории общественного выбора — объясняются на основе индивидуальных предпочтений и индивидуального выбора. Наглядный тому пример — известный парадокс Кондорсе, когда особым образом подобранное правило голосования (парное сравнение более чем двух альтернатив) приводит к тому, что транзитивность индивидуальных предпочтений соседствует с нетранзитивностью общественных (Mueller, 1993). Но нетранзитивность последних — заметим — является следствием комбинации индивидуальных предпочтений и особой процедуры их агрегирования — попарного сравнения альтернатив посредством применения правила простого большинства при каждом сравнении. Мы не можем сказать, что группа отказывается от принятия решения, хотя вполне можем обсудить вопрос — кому это выгодно?

Методологический индивидуализм означает, что в представленном подходе отсутствует такая сверхсуммативность на уровне коллективных действий и в решениях, действиях отдельных индивидов, которая позволяла бы делать выводы о ее самостоятельном значении в объяснении

общественных явлений на самых разных уровнях безотносительно основания — индивидуальных действий: начиная с изолированных обменов и заканчивая сложными взаимодействиями групп интересов по поводу формирования и изменения институциональных рамок хозяйственной деятельности. Подчеркнем, что из сказанного не следует, что следующие принципам методологического индивидуализма исследователи отрицают сверхсуммативное в коллективных действиях и отношениях как факт.

Действия людей, в свою очередь, могут рассматриваться в контексте функционирования государства, компаний, других организаций. В этом смысле путать, например, децентрализованность принятия решений в рыночной экономике в отличие от централизованного принятия решений в плановой экономике с методологическим индивидуализмом некорректно¹. Напомним, что стандартным при изучении микроэкономики считается (по крайней мере, в течение нескольких десятилетий XX в.) подход, в рамках которого фирму определяют как производственную функцию (да и в большинстве учебников по микроэкономике изучение поведения фирмы привязано к исследованию производственных функций и изоквант).

Вместе с тем исследование производственной функции не раскрывает исследователю условия, формы и результаты взаимодействия между людьми, которых можно было бы отнести в состав фирмы, а сама фирма выступает в таком случае как «черный ящик». Именно наличие такого рода «черных ящиков» указывает на неприменение принципа методологического индивидуализма в тех теориях, с помощью которых объясняли функционирование рыночной экономики, тесно связанной с формированием и воспроизводством индивидуалистских ценностей. Вот почему ставить знак равенства между методологическим индивидуализмом и неоклассической теорией как основным направлением в экономической науке, о чем см., например, в: (Кирдина, Павленко, 2014), некорректно. Более того, наличие дихотомии «прибыль — полезность» в исследовании фирмы (несовпадение при определенных условиях, максимизирующих прибыль и полезность объемов выпуска) указывает на некорректность причисления неоклассического подхода как основанного целиком и полностью на принципах методологического индивидуализма².

¹ Заметим, что Я. Корнай в работе «Дефицит» показал, что централизованно управляемые экономики не такие уж и централизованные — в них присутствует административный торг (Корнай, 1990).

² Сказанное не означает запрет на применение инструментария производственной функции, но указывает на необходимость соответствующих оговорок, касающихся соотношения функциональной связи между объемами производства и количествами затрачиваемых ресурсов, с одной стороны, и принимаемыми индивидами решениями, — с другой (о чем более подробно см. далее в связи с обсуждением вопроса о редакционном методологическом холизме).

Своего рода апологию методологического индивидуализма представил Л. Мизес: «Если мы тщательно исследуем смысл действий, предпринимаемых индивидами, то неизбежно узнаем все о деятельности коллективных целостностей, поскольку коллектив не существует вне деятельности отдельных членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов. Реальность общественного образования заключается в направлении и облегчении деятельности со стороны индивидов. Таким образом, путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ деятельности отдельных индивидов. Даже если в результате коллективных действий возникает нечто сверхсуммативное — непосредственно не сводимое к действиям отдельных людей, тем не менее из факта существования сверхсуммативности отнюдь не следует, что помимо деятельности человека есть еще нечто, выполняющее функцию субъекта» (Мизес, 2000). Вспомним, что в результате простой кооперации по Марксу (Маркс, 1983) возникает новая общественная производительная сила — частный случай сверхсуммативности, о которой речь шла выше. Однако эта общественная производительная сила не существует отдельно, в отрыве от носителей индивидуальных способностей к труду. Нечто подобное мы наблюдаем и применительно к статусу сверхсуммативности в случае с методологическим индивидуализмом.

Несмотря на то, что «как мыслящее и действующее существо человек возникает из своего дочеловеческого существования уже как общественное существо, эволюция мышления, языка и сотрудничества — результаты одного процесса; они были нераздельно и необходимо связаны друг с другом», однако «это происходит с индивидами. Этот процесс выражается в изменении индивидов. Помимо индивидов нет другой субстанции, где бы этот процесс происходил. Помимо деятельности индивидов не существует другого субстрата общества» (Мизес, 2000, с. 43–44). Вместе с тем Мизес справедливо обращает внимание на один из важных вопросов применения данного принципа — эволюционный аспект, в рамках которого нельзя не обнаружить зависимость действий отдельных людей и групп от прошлого. Однако означает ли это, что прошлое — в том числе прошлые действия — обладают здесь и сейчас самостоятельным значением безотносительно людей, принимающих решения и действующих здесь и сейчас? И его позиция красноречиво свидетельствует о том, что путать зависимость от прошлого и самостоятельность прошлого как объекта исследования в терминах действия здесь и сейчас не следует.

Однако дело не только в зависимости от предшествующего развития и особенностях объяснения общественных явлений через призму эволюционных процессов. «Методологический индивидуализм ... должен держать фронт сразу в двух направлениях: против попыток навязать индивиду надындивидуальные предпочтения и попыток расчленения личности на множественные субличности с разными целевыми функциями.

Индивид должен быть не только суверенным, но и единым (неделимым), не только противостоять давлению общества, но и владеть самим собой» (Автономов, 2014, с. 55). Здесь поставлена важная с точки зрения методологии экономической науки проблема, в которой находят отражение развилки в выборе способа моделирования поведения человека для ситуаций, когда сам человек, согласно современной психологии — сложное существо, действия которого происходят под влиянием не только сознания, но и бессознательного.

В результате получается, что в рамках методологического индивидуализма должен быть соблюден как принцип целостности в части центра действия (что не всегда тождественно центру принятия решений), так и отдельности, сепарированности, независимости, состоятельности индивида как чего-то отдельного. Компромиссный вариант предложен в рамках поведенческой экономики, в которой по определению — в силу специфики предмета — доминирует методологический индивидуализм: сосуществование двух когнитивных систем в одном человеке — автоматической и рефлексивной, и подключение то одной, то другой в зависимости от контекста ситуации выбора (Thaler, Sunstein, 2009)

Подытоживая, можно отметить, что методологический индивидуализм — принцип исследования общественных явлений, в соответствии с которым единственным субъектом действий, создателем целей, носителем потребностей и интересов является индивид (Тамбовцев, 2015, с. 42).

Методологический индивидуализм в экономических исследованиях всегда применяется во взаимосвязи с другими принципами и положениями данной дисциплинарной области. Однако такая взаимосвязанность для некоторых категорий является универсальной, а для других допускает широкую вариативность. Например, трудно себе представить применение принципа методологического индивидуализма к объяснению взаимодействия между людьми вне логики экономического анализа контрактных отношений (даже если это — контракты, не имеющие юридической силы). Вместе с тем методологический индивидуализм и принцип максимизации полезности и тем более максимизации прибыли уже не столь однозначно связаны, так как, например, в рамках экономической теории транзакционных издержек допущение об ограниченной рациональности не предполагает применения целевых функций максимизации полезности. А максимизация прибыли вполне может рассматриваться в рамках концепции фирмы как производственной функции, когда объяснение поведения фирмы не основано на принятии решений индивидами. В свою очередь сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив — визитная карточка нового институционализма — вовсе не предполагает применение принципа методологического индивидуализма, о чем свидетельствует, например, подход Дж. Р. Коммонса к исследованию транзакций, который был построен на методологическом холизме (Commons, 1931).

Термин «методологический индивидуализм» как принцип исследования общественных явлений был сформулирован Й. Шумпетером в первой половине XX в. (Шумпетер, 2001, с. 1172). И одна из распространенных ловушек в дискуссиях по поводу данного термина состояла в не всегда четко проводившемся различии между индивидуалистическими ценностями, которыми руководствуются в своем поведении люди, и специфическим подходом к обсуждению общественных явлений, основанном на логике индивидуального выбора. В этом смысле методологический индивидуализм хорошо корреспондирует с базовым аналитическим определением предмета экономической науки, представленной Л. Роббинсом (Роббинс, 1993, с. 18): «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление». В отличие от аналитического классификаторского определения предмета экономической науки (Тутов, Шаститко, 1997) вполне допускает применение альтернативных методологическому индивидуализму подходов, включая и методологический холизм (о чем более подробно далее).

Условия выживания группы, являющиеся фактором выживания отдельного индивида, вполне могут приводить к действиям, которые выглядят как основанные на коллективистских ценностях, но при более детальном анализе может (разумеется, не всегда) интерпретироваться как следствие рационального расчета или объясненное на основе логики рационального расчета.

Последовательное применение методологического индивидуализма приводит к тому, что взаимодействие между людьми может рассматриваться в терминах контрактов — функциональных или инструментальных. Последнее важно, поскольку во многих случаях действующие лица могут не квалифицироваться другими и не воспринимать себя в качестве участников контрактных отношений, так же как и субъектов, принимающих какие бы то ни было самостоятельные решения. Применение методологического индивидуализма предполагает декомпозицию сложного, составного целого — связей между множеством действующих лиц в прошлом, настоящем и будущем — на простейшие элементы. А простейший элемент — логика индивидуального (в своей основе — потребительского) выбора, которая совсем необязательно должна соответствовать модели полной, инструментальной рациональности. В этом плане исследования в рамках поведенческой экономики, где с помощью концепции подталкивания (*nudging*), создания архитектуры выбора проводится принцип либерального патернализма (Thaler, Sunstein, 2009, р. 5–6), тем не менее вполне совместимы с методологическим индивидуализмом.

Экономическая наука — область знания, которая развивается во взаимодействии конкурирующих научно-исследовательских про-

грамм. Как уже ранее было отмечено, методологический индивидуализм — не настолько широко распространен в исследованиях, как это может показаться на первый взгляд. Достаточно напомнить о традиционном институционализме и даже в определенном степени — о неоклассической экономической теории (особенно по состоянию на начало 70-х годов прошлого века). Вместе с тем методологический индивидуализм — принцип исследования общественных явлений, который, на первый взгляд, в отличие от неоклассической экономической теории характерен для всех направлений в рамках новой институциональной экономической теории — экономической теории транзакционных издержек, экономической теории прав собственности, теории управления поведением исполнителя, новой экономической истории (Эггертссон, 2001; Фуруботн, Рихтер, 2005; Шаститко, 2010). Но действительно ли методологический индивидуализм — универсальный принцип нового институционализма? Существует ли область / области в общественных отношениях, исследование которых предполагает отказ от принципа методологического индивидуализма? Мы не претендуем на исчерпывающее обсуждение данного вопроса, но надеемся, что предложенные далее идеи позволят лучше понять возможности и ограничения в применении методологического индивидуализма в сфере экономических исследований вообще и институциональных — особенно.

В частности, согласно позиции Менара (Menard, 2002), посвятившего одну из своих работ методологическим вопросам нового институционализма, ответ на поставленный выше вопрос об универсальности принципа методологического индивидуализма в рамках нового институционализма утвердительный. Однако при ближайшем рассмотрении здесь возможны несколько подвопросов в развитие дискуссии:

(1) Какой рабочий вариант определения границ новой институциональной экономической теории мы принимаем (есть ли что-то вроде демаркационной линии, отделяющей это направление от тех исследований, в которых соблюдение принципа методологического индивидуализма не происходит)?

(2) Каковы основания считать, что есть только один вариант формулировки, что такое методологический индивидуализм, в рамках которого все без исключения общественные явления объясняются на основе решений и действий отдельных субъектов? Если все же есть разные варианты, то как возможности их применения соотносятся с границами новой институциональной экономической теории?

Поскольку существуют большие сомнения, что сам новый институционализм в экономической науке является научно-исследовательской программой по Лакатосу, то и вопрос о границах новой институциональной экономической теории, как нам представляется, по сей день является открытым (Тутов, Шаститко, 2017). Вместе с тем обсуждение вопроса

о границах нового институционализма указывает на то, что методологический индивидуализм позволяет прочертить границу между традиционным и новым институционализмом, поскольку полагает, что люди строят институты, а не институты людей, что является следствием простой идеи, что в человеческом обществе нет никого и ничего, что могло бы действовать так, чтобы стать предметом исследования *наряду* с решениями и действиями отдельных людей, из которых складываются общественные явления. Люди выбирают из доступных институциональных дискретных альтернатив.

Ограничения на применение методологического индивидуализма: язык и не только?

В качестве потенциального примера ограничения на применимость принципа методологического индивидуализма в исследовании общественных явлений приводят язык, который является отражением ментальных моделей. В языке выражена душа нации (Гумбольдт, 1984) и то, на каком языке человек мыслит, оказывает влияние на его поведение. Имеются количественные исследования, которые показывают связь между определенным языком и поведенческими установками. Есть языки, в которых можно опустить личные местоимения, например, русский язык, а есть языки, например, французский язык, в которых личное местоимение является обязательным. Исследования показали (Kashima, Kashima, 1998), что в странах, где в языке использование личного местоимения является обязательным, больше ценят права человек и верят в верховенство права. Восточные языки очень трудно интерпретировать с помощью правил. Там все построено на исключениях. Но есть полностью спроектированные языки, которые используются людьми в повседневном общении, например, корейский (хангыль).

В процессе социализации человек осваивает язык таким образом, что по крайней мере в начальной фазе это не является предметом его выбора. И во взрослом возрасте (по завершении периода социализации) язык кажется чем-то естественным, не помещающимся во множество предметов индивидуального экономического выбора, но вместе с тем заслуживающим того, чтобы его исследовать в свете проблем координации, создания, передачи и использования знания.

Данным утверждениям созвучна идея И. Канта, когда он писал о трансцендентальном единстве апперцепции, согласно которой человек получает готовые мыслительные формы, и каждому индивиду нет необходимости заново проходить всю историю человечества (Кант, 1994, с. 250–251). Эти готовые мыслительные формы человек наследует вместе с языком. Однако здесь важно понимать, *в каком смысле язык может рассматриваться в качестве примера указанного выше ограничения на применимость*

методологического индивидуализма. Важно, что одна из фундаментальных, но далеко не всегда отрефлексированных, предпосылок современной экономической науки — рассмотрение общества социализированных взрослых (даже если речь идет об асоциальном поведении) (Шаститко, 2020). А это означает, часто по умолчанию, что мы имеем дело с интегрированными нормами, в числе которых язык, на котором говорит и думает тот или иной человек. И в этом смысле действительно язык не является объектом индивидуального выбора.

Соответственно, не являясь объектом индивидуального выбора, он не рассматривается в терминах ограничений, оказываясь в том числе за пределами предмета институциональных исследований. Данное утверждение применимо по отношению к естественным языкам, которые не созданы индивидуальным взаимодействием конкретных людей. В то же время есть русский литературный язык, созданный в Пушкинскую эпоху. Давно нет тех людей, которые создали этот язык. Но мы продолжаем говорить на этом языке. Можно сказать, что мы находимся в индивидуальном взаимодействии с конкретными людьми. Но данное взаимодействие является условным. Мы продолжаем взаимодействие таким образом, что его сопровождает сверхсуммативный эффект, который выражается в наследуемом прошлом — пушкинский русский язык, которое тем не менее воспроизводится и видоизменяется. Разумеется, без действий последователей не было бы ничего из того, что представляло бы интерес именно в части объяснения общественного явления, а не чего-то опредмеченного, овеществленного или воплощенного в невещественном (сам индивид как субъект познания, в конце концов в таких ситуациях отсутствует).

По аналогии можно рассматривать множество искусственных языков, начиная от эсперанто (Пиперски, 2016) и заканчивая космическим языком линкосом (Г. Фрейденталь) (Freudenthal, 1960), формирование которых происходит иначе — на основе договоренности людей, и соответственно, освоение данных языков происходит по-другому.

Всегда ли нужен язык для взаимодействия и возникновения институтов? Нельзя ли представить институты как результат интенционального взаимодействия? Тогда говорить о методологическом холизме будет уже нельзя, поскольку интенциональное воздействие всегда индивидуально, и ни о какой сверхсуммативности, не говоря уже о самостоятельных и независимых от индивидов мыслях, решениях, действиях в сфере общественных явлений говорить нельзя.

Но язык не является единственным примером. Например, дизайн, организация пространства оказывает влияние на людей, которые не имели контактов с людьми, создавшими этот дизайн, и соответствующую корпоративную культуру, существовавшую в рамках данного пространства. Примером также является устройство дорог в Стамбуле. То, что сейчас

воспринимается в качестве узких улиц, когда-то считалось широкими проспектами, на которых могут разминуться две колесницы¹.

Представление о норме формирует пространство, которое было задумано (но, разумеется, не так, как мы думаем о нем сейчас) полторы тысячи лет тому назад. Феномен денег, на наш взгляд, тоже лучше рассматривать с позиции методологического холизма, поскольку они имеют длительную историю происхождения, условно превосходящую жизнь одного или двух поколений, но не всегда. Главное, чтобы не было прямого человеческого воздействия. Получается субстрат прошлых взаимодействий, который сам становится субъектом. Неслучайно тематика происхождения, истории денег слабо разработана с применением методологический индивидуализма. Однако, как покажет дальнейшее изложение, и здесь все не так однозначно.

Прошлые действия можно рассматривать и как ограничения, которые вшиты в матрицу самого поведения. Возможна также мифологизация того, что было когда-то. То есть мы имеем дело с сверхсуммативным эффектом. Есть пример (Г. Хофстеде) с корейской авиакомпанией, когда переход на английский язык привел к резкому снижению ошибок и катастроф (Hofstede, 2001, p. 115). Особенности корейского языка, отражавшего определенную культуру, плохо согласовывались с авиабезопасностью, исключаящую какую-либо ритуальность из взаимоотношений, тем самым позволяя экономить ключевой ресурс в организации воздушного движения — время.

Вместе с тем не стоит забывать, что в рамках австрийского направления экономических исследований довольно сильна эволюционно-историческая составляющая и в то же время представители современной австрийской школы в экономической науке относятся, пожалуй, к наиболее последовательным сторонникам методологического индивидуализма. Вариант решения данной загадки будет предложен в свете сравнительного анализа методологических индивидуализма и холизма.

Здесь вкрадывается методологическая проблема, которая связана с необходимостью отделить эффект эволюционности от сверхсуммативности. Если это просто зависимость настоящего от прошлого, то ничего специфического нет ни в средневековых технологиях, передававшихся из поколения в поколение, ни в деньгах, ни в языке. Но это просто говорит о том, что в эволюционной теории гораздо сложнее редуцировать предмет к решениям и действиям экономических агентов, чем, например, в случае исследования объектов сегодняшнего дня, когда сверхсуммативность есть, но достаточно просто показать, что она есть производное от индиви-

¹ Авторы признательны за этот пример А. А. Аузану и Е. Н. Никишиной, которые любезно согласились на интервью по вопросам ограничений на применение принципа методологического индивидуализма, проведенное в марте 2022 г.

дуальных действий людей. Ограничения на возможности редукции одновременно указывают и на аналогичные ограничения в применении методологического индивидуализма — как минимум, в способе представления результатов исследований.

В начале XXI в. человечество вошло в эпоху системной цифровизации своей не только хозяйственной, но и повседневной жизни. Неотъемлемым элементом современного этапа цифровизации является применение технологии искусственного интеллекта, о котором исследователи спорят уже более 70 лет, но который именно сейчас стал вызывать множество вопросов, причем не только теоретических, но и сугубо прикладных.

Вот почему далее мы предложим постановку вопроса, которая позволяет взглянуть на проблему применения методологического индивидуализма несколько иначе — через призму соотношения естественного и искусственного интеллекта. Не вдаваясь в подробности дискуссии, что такое искусственный интеллект, чем он отличается от интеллектуальных систем, в каких формах он может существовать, попробуем ответить на вопрос, почему искусственный интеллект представляет собой проблему для исследования общественных явлений в рамках принципа методологического индивидуализма? С одной стороны, искусственный интеллект — всего лишь компьютерные программы, алгоритмы. Однако, с другой стороны, они — самообучающиеся. И не просто самообучающиеся, но способные влиять на отношения между носителями естественного интеллекта — людьми, в том числе в части распределения выигрышей от экономических обменов.

Искусственный интеллект способен на выработку решений, которые уже не представляется возможным прямо и непосредственно приписать как авторам самой программы, так и их заказчикам (в противном случае придется пересматривать понимание термина, что значит «решение»). Более того, развитый искусственный интеллект вполне может проходить тест Тьюринга, когда носитель естественного интеллекта, получая информацию, не может отличить, коммуницирует ли он с человеком или машиной (Тьюринг, 2003). Строго говоря, в повседневной жизни мы сталкиваемся с так называемым обратным тестом Тьюринга, или тестом Captcha, доказывая компьютерной программе, что на сайт пытается зайти человек, а не компьютерная программа.

Но если в результате применения данной программы назначаются, например, цены или определяются иные параметры деятельности предприятия, то кто принимает решение и чьи это действия? Это не только методологический вопрос, но и сугубо практический, поскольку в случае, если цена соответствует условиям сговора, с одной стороны, и является прямым следствием применения самообучающейся программы, — с другой, возникают вопросы, во-первых, как применять запрет на антиконкурентное соглашение (Шаститко и др., 2019), во-вторых, стоит ли применять штрафные санкции, в-третьих, кто должен отправиться за решетку в ка-

честве наказания за ценовой сговор (например, в соответствии со ст. 178 Уголовного кодекса РФ). И как в этом свете выглядит применение одной из самых известных презумпций в юриспруденции — презумпции невиновности? Или же все это не имеет смысла потому, что не представляется возможным отделить результаты применения естественного интеллекта от результатов применения искусственного.

Однако другой вариант в рассматриваемом случае — полный запрет на применение искусственного интеллекта. Такой запрет — способ предупреждения антиконкурентных коллективных действий с применением цифровых технологий, даже если данный способ ценообразования позволяет извлечь значительную экономию на транзакционных издержках.

Методологический индивидуализм и методологический холизм

Антиподом методологического индивидуализма применительно к наукам об обществе, в которых не представляется возможным абстрагироваться от проблематики целеполагания, действий, его результативности, является методологический холизм. Он построен, по сути, на простой идее: для объяснения общественных явлений в их разнообразии и сложности нет необходимости спускаться на уровень индивидуальных решений и действий. Свойствами субъектности обладает не только (а в некоторых вариантах объяснения) и не столько индивид (разумеется, ему никто не отказывает в наличии разума и целеполагания в повседневной деятельности), сколько общество, классы, группы, государство, фирмы и т.п. Иными словами, методологический холизм допускает объяснение поведение целого без обсуждения действий его частей.

Строго говоря, методологический холизм характерен не только для структуралистского взгляда на общественные явления со стороны социологии (см. например, работы Дюркгейма, в который группы могут думать и действовать (Durkheim, 1938), но и в рамках экономической науки). В частности, традиционные институционалисты широко использовали данный прием для объяснения общественных явлений. В том числе Дж. Р. Коммонс, разработавший концепцию транзакций (Commons, 1931). Однако и это еще не все. В известном смысле макроэкономическую теорию до появления микроэкономических основ макроэкономики, можно было бы также трактовать в терминах методологического холизма. Технически методологический холизм основан на применении «черных ящиков» для тех единиц, которые наделяются свойствами субъектности (некоторые примеры приведены выше в данном разделе), но вместе с тем отличны от индивида как потенциального центра принятия решений.

Для лучшего понимания методологического индивидуализма, его возможностей и форм существования, на наш взгляд, продуктивным является

подход к обсуждению различных аспектов методологического холизма, предложенный в статье В. Л. Тамбовцева (Тамбовцев, 2020). Самая простая и, можно даже сказать, контринтуитивная форма методологического холизма — предположение о том, что наряду с индивидами группы, общества тоже чувствуют, думают, действуют. Однако в упомянутой работе Тамбовцева акцент сделан на том, что у методологического холизма есть пространство для маневра. В первую очередь речь идет о свёрхсуммативности, которая была рассмотрена в одном из предыдущих разделах. Более сложные аспекты связаны с выявлением свойства эмерджентности, причем не умозрительно, а эмпирически. И здесь, на наш взгляд, наряду с функциональными аспектами на первый план выдвигается формальный, редакционный, но от того не менее важный, поскольку имеет прямое отношение к герменевтическому измерению внутридисциплинарного дискурса.

Как справедливо отмечал К. Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» (Маркс, 1983, с. 21), «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно желательно освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция». Способ исследования может в полной мере соответствовать канонам методологического индивидуализма, но в силу необходимости найти приемлемый компромисс между аутентичностью, адекватностью, с одной стороны, и экономичностью изложения, с другой стороны, может использовать язык редакционного методологического холизма (Тамбовцев, 2020, с. 10).

В рамках нового институционализма есть разные традиции. Наиболее заметные — нортовская и уильямсоновская. Причем, если Д. Норт в качестве заслуживающих внимание вопросов признавал не только неформальные институты, но также идеологии, разделяемые убеждения о мире (Норт и др., 2011, с. 59), то О. Уильямсон — ключевой разработчик основ экономической теории транзакционных издержек — упомянутым направлениям исследований придавал существенно меньше значение. С одной стороны, именно Норт сформулировал подход, в соответствии с которым институты — ограничения в ситуации выбора, но вместе с тем именно в работах Норта можно обнаружить признаки применения максимизационной логики для длительных периодов, когда кажется, что общества, группы принимают решения. Характерный пример — моделирование различных вариантов объяснения перехода от охоты и собирательства к оседлому сельскому хозяйству (North, 1981), что может считаться признаком применения холистского подхода. На наш взгляд, такая особенность обусловлена свойствами исследуемого объекта. Применяемый Нортом редак-

ционный методологический холизм не должен вводить в заблуждение относительно базового принципа, заложенного в основу исследовательской программы, а не метода изложения результатов ее развития. Причем различия между Нормом и Уильямсоном в этой части скорее всего редакционные, поскольку в фокусе первого — макроинституты, а в фокусе второго, если пользоваться языком современного прочтения уровней институционального анализа — микро- и мезоинституты (Шаститко и др., 2019). Норт столкнулся с гораздо более сложной задачей редукции к индивидуальным действиям в изложении результатов исследования, что и объясняет систематические смещения в стилистике изложения, что вместе с тем не препятствует в случае необходимости объяснить тот или иной аспект теории Норта в терминах индивидуального поведения.

Не свидетельствуют ли указанные различия о том, что новый институционализм не согласуется с теорией научно-исследовательских программ И. Лакатоса, поскольку содержит столь сильно различающиеся исследования? Или речь идет скорее о разной стилистике ученых? Различия иногда искусственно усиливаются, и это может быть связано с конкурентной борьбой различных групп ученых, научных школ. Преемственность часто бывает очевидной, а ссылок у последователей на предшественников нет.

Однако словопотребление в межличностной коммуникации и изучение других языков, а также освоение специфических языков, на которых общаются друг с другом представители различных областей научного знания, в том числе и экономической, возвращает нас к тому, что и эти аспекты деятельности человека, так же как и его коммуникации с другими людьми могут рассматриваться в терминах методологического индивидуализма. Таким образом, мы здесь имеем дело, скорее всего, со смещенными акцентами в постановке проблемы: как исследовать процессы и результаты социализации человека в терминах методологического индивидуализма (в широком смысле, включая адаптацию взрослого человека к новым условиям, в том числе окружению, разделяющему ценности, которые не относились множеству интериоризированных норм данного человека).

Методологический холизм предполагает, что когда люди собираются вместе, то появляется не просто дополнительное свойство, которое может быть описано в терминах сверхсуммативности. Указанный факт заставляет людей действовать не так, как они бы действовали (каждый из них в отдельности) в случае индивидуального выбора. Сам по себе методологический холизм неоднороден, так как в сильной форме допускает исключительно исследования взаимосвязи между общественными явлениями без редукции к уровню принятия индивидуальных решений. В слабой форме методологический холизм, основываясь на поиске взаимосвязей между общественными явлениями в их целостности, неделимости, тем не менее допускает редукцию на уровень принятия индивиду-

альных решений. Функциональность методологического холизма состоит в том, что он позволяет обойти проблему редуцирования при объяснении общественных явлений. Однако строится эта идея на простом постулате, что общественные явления не являются простой суммой индивидуальных действий. Более того, именно в силу сверхсуммативности возникает, как думают практикующие методологический холизм исследователи, основание для оперирования терминами, которые обычно ассоциируются с деятельностью индивида, применительно к некоторым — общностям, целостностям — государству, обществу, компаниям, классам и т.п.

В этом контексте любопытна постановка Марксом идеи об общественно-определенном индивиде (в отличие от робинзонад). Вроде бы решения принимает отдельный человек, но контекст (как во внешнем мире, так и то, что интериоризировано, в том числе посредством социализации) имеет значение и придает определенности самому акту выбора — аналогичен «социологическому индивидуализму» по В. С. Автономову (Автономов, 2014).

Что можно сказать о взаимодействии и дополняемости методологического индивидуализма и холизма с точки зрения роста научного знания? На примере общественного определенного индивида мы можем понимать соотношение индивидуализма и холизма как ограничение, корректирующий коэффициент, а не как детерминизм. А если рассматривать как детерминизм, то мы попадаем в рамку традиционного институционализма или марксизма.

Решения принимают социализированные взрослые. Мы закладываем определенную предпосылку, что социализированный индивид — это взрослый человек. Позволяет ли это вычленил ограничения на методологический индивидуализм? В экономическом анализе права выделяют понятия дееспособный, ограниченно способный, недееспособный. Это накладывает определенные ограничения на возможность действия. Речь идет не об историческом срезе, который объясняет методологический холизм, а о реальном действии людей. Что делать с недееспособными людьми, если отсутствует право? То есть когда нет формальных институтов? Как анализировать общество, которое является неоднородным с точки зрения социализированности? Какое место они занимают в культуре, т.е. в мире неформальных институтов, по отношению к которым мы допустили существование методологического холизма в рамках новой институциональной экономической теории?

Выводы

Методологический индивидуализм и децентрализованность, автономность принятия решений в рыночной экономике не являются синонимами. Исследования рыночной экономики совместимы с нарушением

принципа методологического индивидуализма, так же как исследования альтернативных хозяйственных систем совместимы с принципом методологического индивидуализма. Более того, указанные концепции обладают разным методологическим статусом.

Сверхсуммативность в коллективных действиях и отношениях между людьми совместима с последовательным применением принципа методологического индивидуализма тогда и только тогда, когда она является производной от действий, в том числе и коллективных, множества индивидов.

Ограничения на применимость методологического индивидуализма видны через призму издержек редуцирования общественных явлений к индивидуальным действиям. Пример тому — исследования эволюции на длинных временных интервалах (в том числе это касается используемых в коммуникации языков).

Однако эти ограничения — в значительной степени редакционного плана, которые связаны с различиями в подходах к исследованию тех или иных общественных явлений, с одной стороны и изложению его результатов, — с другой.

Список литературы

- Автономов, В. С. (2014). Еще несколько слов о методологическом индивидуализме. *Общественные науки и современность*, 3, 53–56.
- Гумбольдт, В. (1984). *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- Дюркгейм, Э. (1991). *О разделении общественного труда*. М.
- Кант, И. (1994). *Критика чистого разума*. М.: Мысль.
- Кирдина, С. Г., & Павленко, Ю. Г. (2014). *Методологический индивидуализм и холизм: особенности междисциплинарных исследований*. В: Рубинштейн, А. Я. (Ред.) *Urbi et Orbi. В 3 т. Т. 1. Теоретическая экономика (с. 315–358)*. М.: Алетейя.
- Корнай, Я. (1990). *Дефицит*. М.: Наука.
- Маркс, К. (1983). *Капитал. Критика политической экономики*. Т. 1. М.: Политиздат.
- Мизес, Л. (2000). *Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории* (Курыева А. В., перевод). М.: ОАО «НПО «Экономика».
- Норт, Д., Уоллис, Д., & Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Пиперски, А. (2016). *Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского*. М.: Альпина-Нонфикшн.
- Роббинс, Л. (1993). Предмет экономической науки. *THESIS*, 1(1), 10–23.
- Тамбовцев, В. Л. (2015). Ещё раз о преподавании институциональной экономики. *TERRA ECONOMICUS*, 13(2), 38–45.
- Тамбовцев, В. Л. (2020). Непродуктивность попыток методологического синтеза. *Вопросы теоретической экономики*, 3, 7–31. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10301>
- Тутов, Л. А., & Шаститко, А. Е. (1997). *Предмет и метод экономической теории: учебно-методическое пособие*. М.: ТЕИС.

Тутов, Л. А., & Шаститко, А. Е. (2017). Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории. *Вопросы философии*, 6, 63–73.

Тьюринг, А. М. (2003). *Вычислительные машины и разум*. В Д. Хофштадер & Д. Деннет (изд.), *Глаз разума* (с. 47–59). М.: Бахрах-М.

Фуруботн, Э., & Рихтер, Р. (2005). *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.

Шаститко, А. Е., Курдин, А. А., Маркова, О. А., Мелешкина, А. И., Комкова, А. А., Павлова, Н. С., & Шпакова, А. А. (2019). *Конкуренция и конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Шаститко, А. Е. (2010). *Новая институциональная экономическая теория*. 4-е изд. М.: ТЕИС.

Шаститко, А. Е. (2020). Выбор социализированных индивидов: операциональность (не)против реалистичности. *Общественные науки и современность*, 4, 127–137.

Шумпетер, Й. А. (2001). *История экономического анализа*: в 3 т. СПб.

Эггертссон, Т. (2001). *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.

Commons, J. R (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*, 21, 648–657.

Durkheim, E. (1938). *The Rules of Sociological Method*. 8th ed. University of Chicago Press.

Freudenthal, H. (1960). *Lincos: Design of a Language for Cosmic Intercourse*. North-Holland, Amsterdam.

Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, Sage Publications.

Kashima, E. S., & Kashima, Y. (1998). Culture and language: The case of cultural dimension-sand personal pronoun use. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29(3), 461–486.

Mueller, G. (1993). *Public Choice II*. Cambridge University Press.

North, D. C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. Norton.

Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2009). *Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness*. Penguin Books.

References

Avtonomov, V. S. (2014). A few more words about methodological individualism. *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 53–56.

Humboldt, V. (1984). *Selected works on linguistics*. М.: Progress.

Durkheim, E. (1991). *On the division of social labor*. М.

Kant, I. (1994). *Critique of pure reason*. М.: Mysl'.

Kirdina, S. G., & Pavlenko, Y. G. (2014). *Methodological individualism and holism: features of interdisciplinary research*. In: A. Y. Rubinshtein (Ed.), *Urbi et Orbi. V trekh tomakh. V.1. Teoreticheskaja ekonomika* (pp. 315–358). М.: Aleteja.

Kornai, J. (1990). *Deficit*. М.: Nauka.

Marx, K. (1983). *Capital. Criticism of political economy*. V.1. М.: Politizdat.

Menard, S. (2002). *Longitudinal Research* (2nd ed.). Thousand Oaks: SAGE.

Mises, L. von. (2000). *Human Action: A Treatise on Economic Theory*. М.: OAO NPO Ekonomika.

North, D., Wallis, D., & Weingast, B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

Piperski, A. (2016). *Language construction: from Esperanto to Prethraki*. M.: Alpina-Nonfikshn.

Robbins, L. (1993). The Subject Matter of Economics. *THESIS*, 1(1), 10–23.

Tambovtsev, V. L. (2015). Once again about teaching institutional economics. *TERRA ECONOMICUS*, 13(2), 38–45.

Tambovtsev, V. L. (2020). Unproductive attempts at methodological synthesis. *Theoretical Economics*, 2, 7–31.

Tutov, L. A., & Shastitko, A. Y. (1997). *The subject matter and method of economic theory (educational manual)*. M.: TEIS.

Tutov, L. A., & Shastitko, A. Y. (2017). The Experience of Subject Identification of the New Institutional Economic Theory. *Voprosy Filosofii*, 6, 63–73.

Turing, A. M. (2003). Computing machines and the mind. In D. Hofstadter & D. Dennet, *The Mind eye*. M.: Bakhrakh-M.

Furubotn, E., & Richter, R. (2005). *Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics*. SPb.: Izdatelski Dom Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Shastitko, A. Y., Kurdin, A. A., Markova O. A., Meleshkina A. I., Komkova A. A., Pavlova N. S., & Shpakova A. A. (2019). *Competition and competition policy: at the intersection of the future and the past*. M.: Izdatelski Dom Delo RANEPa.

Shastitko, A. Y. (2010). *The New Institutional Economics*. 4th ed. M.: TEIS.

Shastitko, A. Y. (2020). The choice of socialized individuals: operational (not) vs. realism. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 127–137.

Schumpeter, J. A. (2001). *History of economic analysis* (in 3 Vol.). St. Petersburg.

Eggertsson, T. (2001). *Economic behaviour and institutions*. M.: Delo.